111988

4 3 4

ТУ–19–241–82

2

3

студия
ДИАФИЛЬМ

08-3-064

В. Чернышёв

Минька

художник Б. Игнатьев

Я приехал на Камчатку, получил комнату и обставил её мебелью. У меня были стол, сделанный из ящиков из-под макарон, табурет и койка. «До полного комфорта мне не хватает только медвежьей шкуры»,—решил я.

«А ты сходи к Осьмухе,—посоветовали мне.—Есть у нас такая бабушка-медвежатница». — «Медвежатница?! Да ещё бабушка!»—удивился я. Однако решил сходить по названному адресу.

Медвежатница жила в домике с голубыми ставнями. Она оказалась старушкой с такими же, как ставни, голубеньками глазками.

«Был, был мех, гражданин,—подтвердила бабуся.—Да упросил продать художник. Из Москвы приезжал. А сейчас нету. Весной приходи, когда подрастёт».

«Как—«подрастёт»? В берлоге, что ли»?—не понял я. «Зачем в берлоге?—хмыкнула старушка.—Он у меня не спит. Я его кормлю. Пойдём покажу». Она повела меня в сарайчик. Там сидел подросток-медведь.

Медведь поднялся на дыбы. «Минечка сладенького хочет,— запричитала бабка.— Не бойся, он смирный, ручной».

«На Камчатке медведей много,—продолжала ворковать бабушка.—Мне племянник из экспедиции привозит. Чем кабанчика, лучше медведя держать: и мясо, и шкура...»—«Так вот ты какая «медвежатница»!—отодвинулся я от бабки. 8

Мне расхотелось иметь медвежью шкуру. Но как выручить Миньку? Я попросил бабку продать его. «Только я возьму за него, как за весеннего, большого»,—предупредила баб-ка. И назвала такую сумму, которой у меня не было.

Где же раздобыть денег? А куда я дену Миньку, если куплю? Я решил посоветоваться с командиром дока, ремонт которого я вёл. Плавучий док—это такое сооружение, которое поднимает корабли для ремонта днищ. Но и сам док время от времени нуждался в ремонте.

«Это безобразие: откармливать медведя, как поросёнка! — возмутился командир. — Выкупим мишку всей командой. Ремонт у нас большой, почти на полтора года. Пока поживёт на доке, а там видно будет».

Командир направил за медведем двух матросов во главе со старшиной-интендантом, белорусом по фамилии Булёля. Я привёл их к знакомому домику на склоне сопки.

«Уважаемая гражданка Осьмухина! — сказал старшина. — По поручению команды наряд военных моряков прибыл за медведем Миней. Вот деньги, сколько просили».

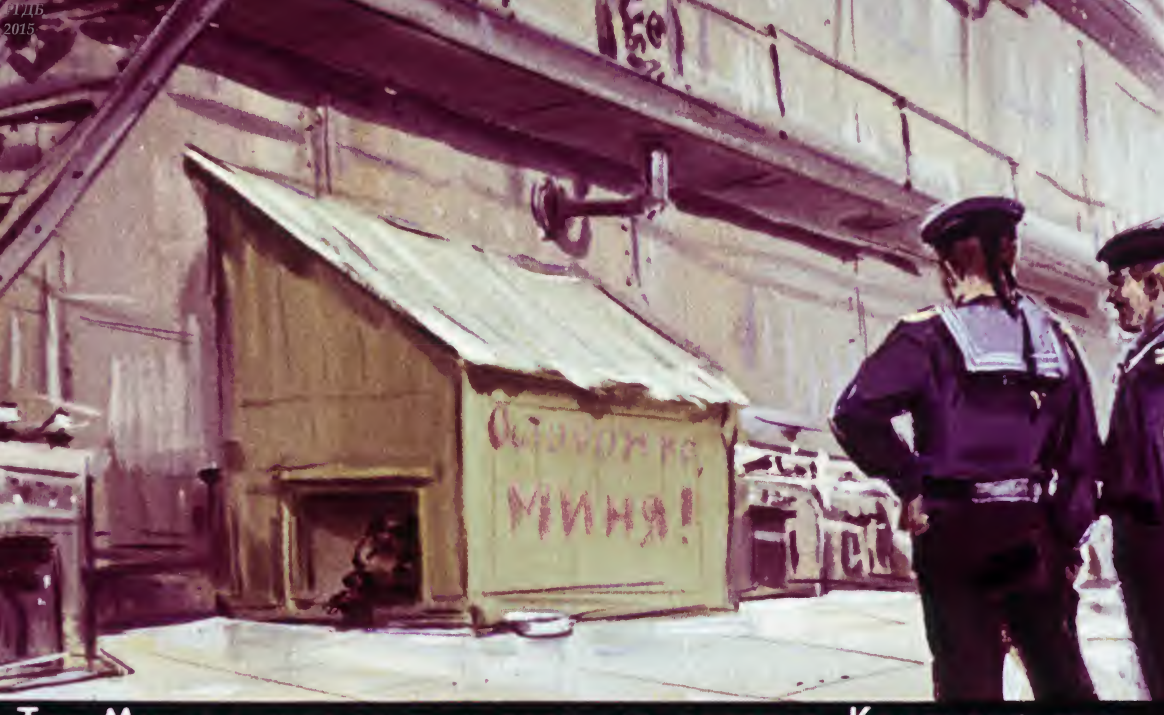
«Миленькие мои, золотые,—залебезила струхнувшая «медвежатница».—Уж не знаю, как... Одинокая я, привыкла к нему... Лучше бы до весны, сейчас невыгодно продавать... Может, полсотни накинете? Не? Ну, ладно, пойдёмте...»

«Так вот, гражданка бабуся!—строго сказал старшина, уходя.—Моряки наказывали, чтоб это в последний раз! Нельзя лишать диких животных свободы, закон такой есть. Предупреждаем вас!»

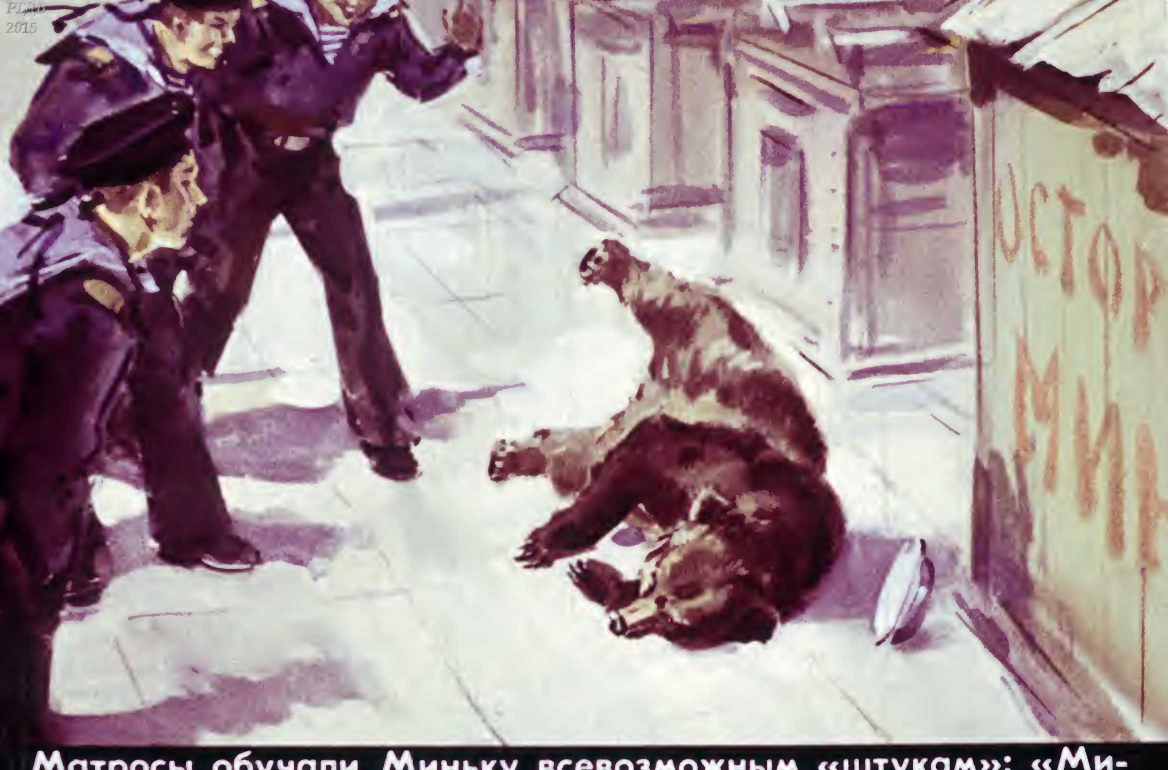
Изумлённые прохожие глядели, как моряки вели по городу медведя. Останавливались машины. Лаяли псы. Но Миня был доволен. Он прыгал боком на всех четырёх лапах и клянчил сухофрукты, которыми моряки запаслись на камбузе.

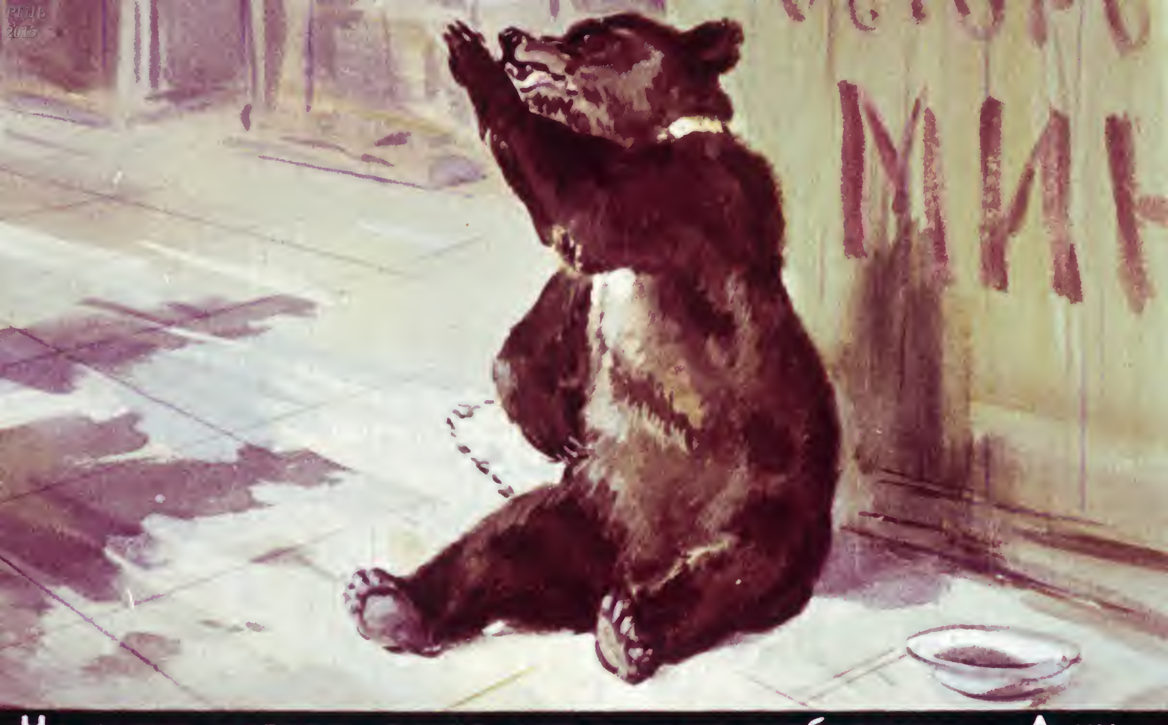
Так Минька стал жить у военных моряков. Командир приказал коку взять его на довольствие. Миньке выстроили будку, похожую на квасной ларёк. «Наш док стал «минированным»!» — смеялись матросы.

Ответственным за Миньку командир назначил старшину Булёлю. Но хозяином медведя считала себя вся команда. В свободное время матросы крутились возле медведя, угощали Миньку галетами.

Матросы обучали Миньку всевозможным «штукам»: «Миня, смир-рна! Адмирал!» Минька путал команды и валился набок, как при сигнале «отбой».

Но скоро медведь понял, что от него требовалось. «А ну-ка, Миня, покажи, как матрос компот «рубает»!» И Минька загребал одной лапой возле носа, а другой поглаживал живот.

«А как матрос получает наряд вне очереди?» Миня недовольно отворачивался и пригибал голову.

«Ой, понятливый!—восторгался Булёля.—Он бы ещё что-нибудь умел, да мы учить не умеем. Вот буду в отпуске, поговорю со специалистами-дрессировщиками. Я с ним во флотской самодеятельности выступать буду!»

Миня привык к людям, к доку. Его стали спускать с привязи. Он носился по просторной стапель-палубе, где при работе дока стоят ремонтируемые корабли, принимал участие в уборке снега, растаскивал с рабочими сварочные провода и шланги.

Но как только сварщики начинали работу, Минька пугался яркой дуги, чихал от дыма и удирал к своему домику.

Многоснежные камчатские пурги заносили Минькину будку по самую крышу. Медведь не показывал носа. На доке объявляли аврал. «Миню не откапывать! — просил Булёля. — Может, он уснул до весны?»

«Зараз будет ёму побудка!» — кок-украинец Гнат начинал наверху, на топ-палубе, скоблить кастрюлю. Этот звук Миня знал хорошо. Снег перед будкой взрывался, Миня мчался туда, где ему обычно сыпались подачки.

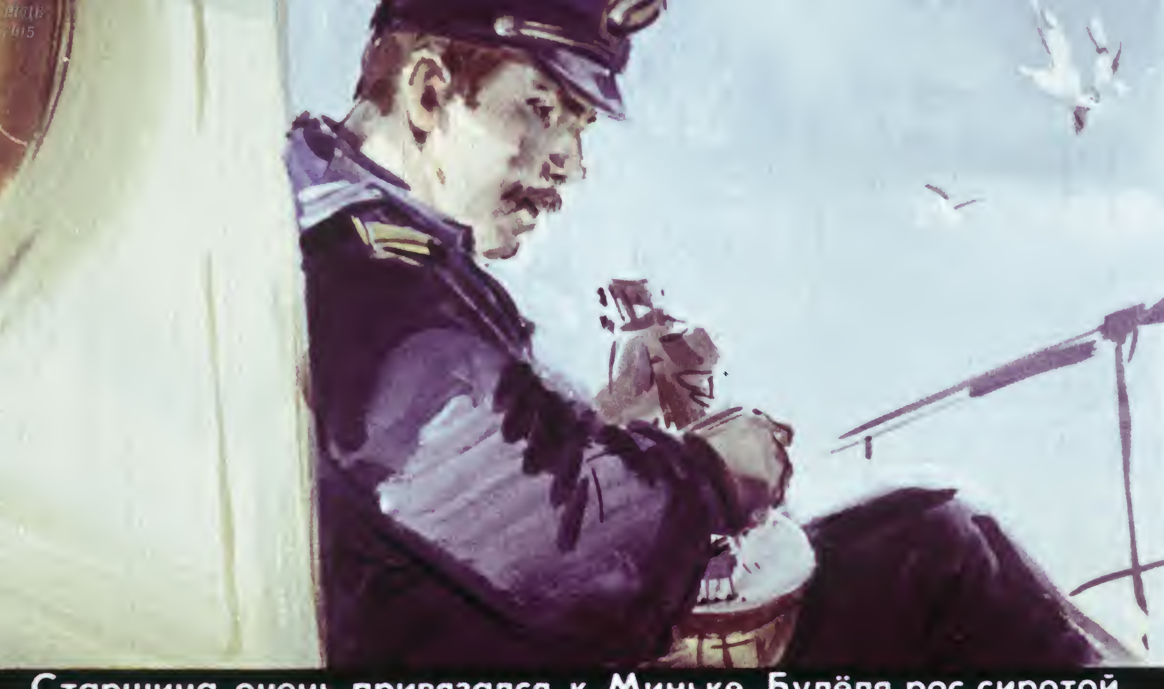
Рабочие старались получить наряд на работу у «Мини на доке». В обед они угощали медведя, а он забавлял их своими «штуками», пытался тоже «забить козла» и мешал им кости домино.

Когда Миньке надоедали грохот ремонта, ослепительная сварка и искры газорезки, он взбирался наверх, на топ-палубу. Здесь было спокойно. Отсюда видны были стоящие в ремонте суда, сопки за бухтой.

Прошла зима. Стало тепло. После работы мы с Булёлей ловили с дока рыбу. В рыбалке неизменно участвовал и Минька.

Старшина очень привязался к Миньке. Булёля рос сиротой. Его домом стал док, дружная семья моряков. Но не забыл он и родную Белоруссию. Туда он собирался в отпуск. Частенько он брал мандолину и тихо напевал белорусскую песню: «...ти ж мая, ти ж мая, пирапёлочка...»

По вечерам док пустел. Минька слонялся — чем бы заняться? Булёля пускал ему сверху мыльные пузыри. Медведь гонялся за ними, они лопались, а он недоумевал: куда делся? Только что был!

Булёля уехал в отпуск на родину. Минька заскучал, тыкался в руки матросов и рабочих. Подолгу сидел наверху, смотрел через бухту—где-то там, за сопками, была его родина...

Однажды ночью док качнуло — это подошла к нему, пришвартовалась самоходная баржа-нефтянка. Она привезла на док топливо. Матросы, стоявшие на вахте, подключили шланги. Заурчал насос.

Под утро баржа ушла. А днём обнаружилось, что Минька исчез.

Куда он мог деться? Матросы обшарили весь док. Кругом была вода. С берегом плавдок был связан только трапом, у которого стоял часовой. Но мимо часового медведь не проходил.

Тайна исчезновения Миньки раскрылась в следующий приход баржи-нефтянки. «От вас я пошёл на нефтебазу,— рассказал морякам шкипер баржи.— Светает, туман...

Вышел на палубу—батюшки, медведь! Я назад, в рубку!

А с пирса нефтебазы вахтенный кричит: «Степаныч, бросай чалку! Заснул, что ли?» Потом разглядел, какой «Степаныч» на палубе, и наутёк!

А медведь прыгнул с баржи на пирс,—продолжал шкипер,— и подался неспеша в сопки. Возле баков обернулся, встал на дыбки да вроде как честь мне отдал лапой. Ко-омик!»

Старшина вернулся из отпуска, узнал про медведя и очень расстроился: «А я ему мёду привёз... Липового...» Он заперся в каюте и грустно перебирал струны мандолины.

Но вскоре мы с ним снова ловили по вечерам рыбу. «Где-то наш Миня,—вздыхал Булёля.—Как он радовался каждой пойманной рыбке! Может, вернётся...»

Но Минька не вернулся. На доке его любили, жилось ему тут хорошо. Но, наверное, на воле Миньке было всё-таки лучше.

КОНЕЦ

Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Г. ВИТУХНОВСКАЯ

Д-127-86

103062, Москва, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30